

нигдѣ неприписывается, никто не мѣшаетъ и никто не спрашиваетъ никакого виду; всякій живетъ гдѣ хочетъ и какъ хочетъ, гдѣ и какъ ему удобнѣе; никто его не прогаеетъ, лишь вель бы себя хорошо, и вносилъ бы подаць. По этой причинѣ ни въ какой странѣ Европы *пройденьшество* (аванпюриерство) не дошло до той степени, какъ между Болгарами, а отчасти и Сербами. Безродные молодые люди шлеются цѣлыми паршьями съ угла въ уголь Турецкихъ владѣній: если неживется въ одномъ селѣ или городѣ, то перемѣняются въ другой; если не въ одной области, то въ другую. Если наскучило жить на фабрикѣ въ *Габровѣ*, *Терновѣ*, или *Каллоферѣ*, то пойдутъ въ Цариградъ на нанимаются у богатыхъ Турковъ въ услуженіе, или сидѣть сидѣльцемъ въ винной или овощной лавочкѣ. Многие изъ нихъ перебродивши всю Анаполию и Сирію, возвращаются домой съ нажибыми *желтицами* (червонцами), какъ Англичане изъ Индіи, а Нѣмцы изъ Америки. Сколько аванпюръ слышался я въ этомъ родѣ! И ни одной изъ нихъ не было посредственно-инперснкой. Въ войнѣ Грековъ съ Турками первымъ весьма много содѣйствовали Болгарскіе и Сербскіе аванпюристи. Я видѣлъ нѣсколькихъ изъ нихъ: опъ нихъ я узналъ, что они были въ Морѣ цѣлыми баталіонами, что въ послѣдній разъ Аонискій Акрополь брали Болгаре, что Миссолонгскій